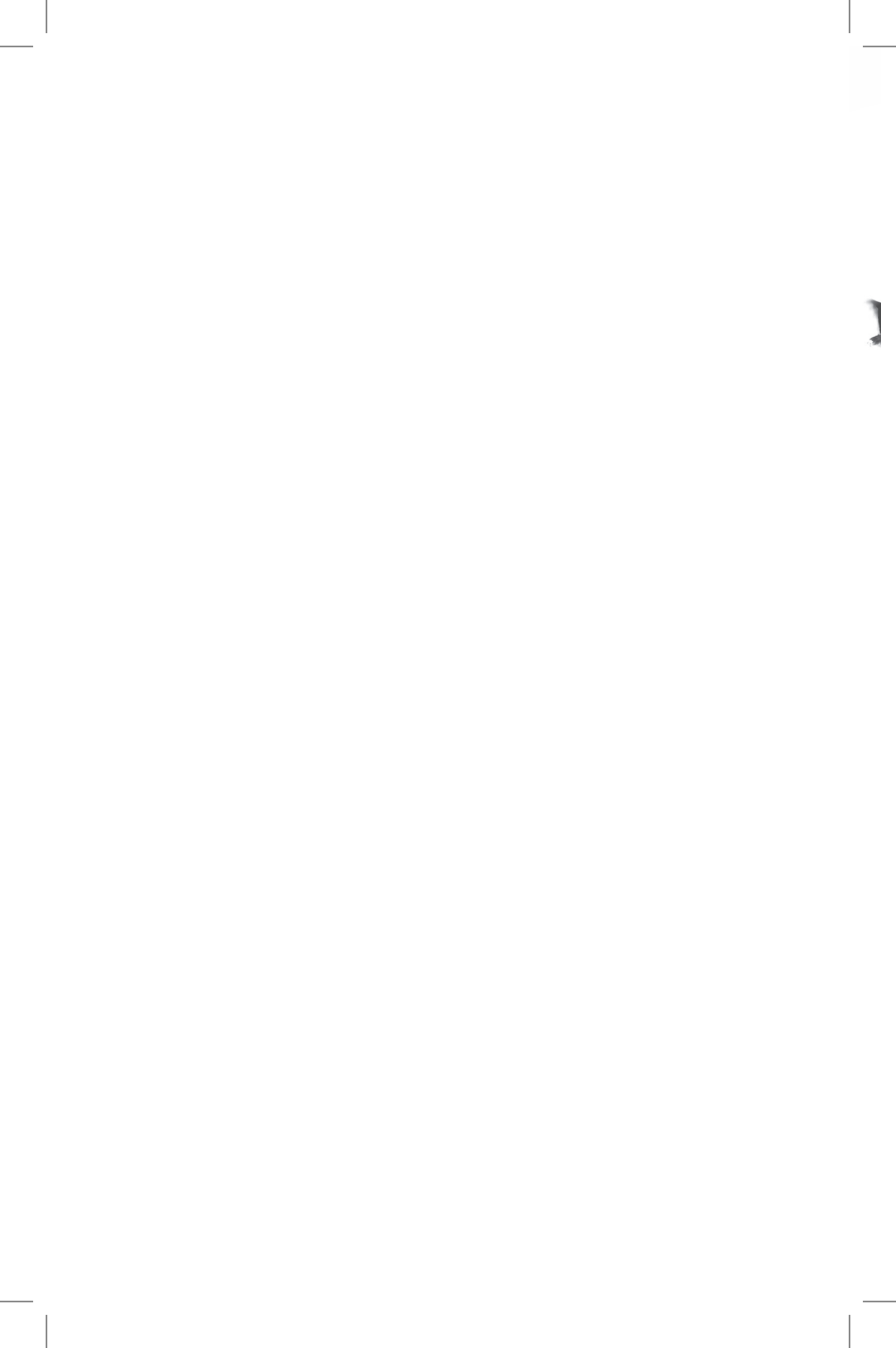

Активистам и зоозащитникам, которые показали нам, что, спасая братьев наших меньших, мы спасаем себя.

Природа видит тебя.

Горилла Коко

ДРУГИЕ

Прежде чем тут появились мы, это был их мир. Они проживали трепетные, не описанные никем жизни, каждое безымянное поколение уходило в небытие, так и не уловив нескончаемую рифму продолжения своих клеток. Не раз пожары, льды, засухи и смерть, разящая с небес, доводили их почти до полного истребления, но они выживали, прирастали числом и вновь радостно заселяли небо, и воду, и землю.

Время было океаном настоящего. Не существовало ни истории, ни будущего.

А потом пришли мы. И теперь настоящее — это вечер вторника.

Без предупреждения вся связь исчезает. При внезапном безмолвии гаджетов болтовня в наших головах звучит оглушительно. В отчаянной попытке бегства мы покидаем квартиры, офисы, аудитории и собираемся на дорожках и газонах городского парка. На улицах брошены притихшие автомобили —

похоже, то, что вырубил наши сигналы и экраны, ударило и по ним. Люди передвигаются медленно, неуверенно, как нерешительные пловцы в странной новой стихии. Это был привычный рабочий полдень, но теперь остаток дня, да и всей недели, словно трейлер, внезапно сорвался с ручника и покатился по обочине. Все незавершенные проекты, задачи, которые мы отодвигали на потом, отчеты, которые мы должны были подготовить к пятнице, но еще даже не начинали, и все остальное, что нужно сделать до конца недели: давно откладываемые визиты к врачам и удаление зубного камня; поездка в строительный магазин, чтобы вернуть те лампочки, что не подошли размером; беседа с учителем, в результате которой мы надеялись понять, как наш умный и способный отпрыск умудрился запороть одновременно и математику, и английский, — все это еще актуально и срочно, но теперь уже по другую сторону немыслимой пропасти, и никто не знает, как ее преодолеть.

Мы хотим знать, что пошло не так. Хотим знать, как долго нам придется ждать, пока все не вернется в норму. Слухи и домыслы хлещут, как из пробитого нефтепровода, но никто пока не владеет подлинной информацией. Поначалу люди нервничают и ворчат, ругают виновных за сбой, но понятно, что никто особо не рвется возвращаться к груде ждущих их дел. Ниточки, которые связывают нас, слабнут в теплом послеполуденном воздухе под идеально голубым небом после недель серой мороси. Мы чувствуем, что уже давно заслужили передышку.

Для начала мы расстегиваем пуговицу-другую, скидываем пиджак, решаем выпустить из брюк рубашку. Мы не хотим заходить слишком далеко, если это ненадолго. Но, позволив этому начаться, мы постепенно покидаем привычных себя. И вот уже галстуки развязаны, ботинки сброшены, носки и чулки стянуты. Босые ноги касаются травы с каким-то первобытным трепетом. Люди потягиваются, стряхивают напряжение, пританцовывают от радости. Они садятся или ложатся прямо на газоны. Друзья и приятели находят друг друга в толпе и принимаются болтать о вчерашнем матче или летних поездках. Кто-то выносит мяч, и случайные знакомые внезапно решают сыграть в футбол.

Фургон с мороженым припаркован у обочины, и водитель лихорадочно сбивает цены, пока его товар тает. Через считанные минуты и стар и млад уже прогуливаются, поедая пестрые прохладные лакомства. Вскоре показывается и тележка с попкорном, а за ней — продавец воздушных шариков и жонглер на одном колесе. Выходят люди с гитарами, трубами, барабанами бонго, начинают играть. У всех на глазах расцветает спонтанная уличная вечеринка.

И вот мы здесь. Как долгод вечер, когда не делаешь ничего полезного? Мы и забыли, как подобные часы способны уводить нас в теплую, сонную страну, которую мы вечно мечтаем посетить, но все находим отговорки. В этом ином исчислении и впрямь кажется, будто тени офисных небоскребов не удлиняются. Время возвращения домой никогда не настанет. И сегодня всем некуда спешить.

Но чего-то не хватает, и это мешает нам расслабиться полностью, даже если мы не понимаем, чего именно нет.

А потом кто-то спрашивает: *Где птицы?*

Мы задираем головы. Прислушиваемся. Верно. Нет щебета. Нет пения. Нет воробьев, снующих друг за другом по веткам в листве. На фонарных столбах должны сидеть чайки, терпеливо выжидая, когда кто-то бросит в сторону рожок или другой лакомый объедок. Мимо могла бы пролететь ворона, хлопая крыльями, призывая своих сестер подивиться странному зрелищу: люди сбиваются в стаи в тот час, когда их обычно нигде не видеть.

Но везде, где могли бы сидеть птицы, тихо. В небе пусто.

Мы не понимаем, как обойтись с этим фактом. Эта тишина гораздо непривычнее молчания наших телефонов. Без птичьих трелей мы начинаем замечать и другие странности. Солнце светит чуть ярче, чуть жарче, чем обычно в это время года. Мы осознаем, что эти приветливые лучи прямо сейчас обжигают клетки на поверхности нашей обнаженной кожи.

И облако. Одинокое облако, которое висит в зените безупречно голубого купола неба, — какое-то оно неправильное. Или все дело в том, что оно выглядит абсолютно правильным. Такое облако рисуют дети — белый ватный шарик. Оно слишком идеальное, чтобы быть настоящим.

И тут кто-то кричит, что поймал сигнал.

С нетерпением мы все проверяем девайсы. Верно. Наши карманные мирки озаряются, жужжат, дрожат в наших руках, как потерявшиеся питомцы, нашедшие дорогу домой. Невидимая архитектура восстанавливается вокруг нас. И словно по щелчку пальцев возвращается остаток недели, приближается к нам, как корабль, который несет на себе весь груз наших жизней.

Те из нас, кто удосужился взглянуть вверх, замечают, что облако тоже исчезло. Никто не говорит о его отсутствии. В конце концов, это было всего лишь облако. Они появляются и исчезают.

Большинство не медлит ни минуты. Мы спешим назад на работу, домой, надеясь обменяться новостями позже, чтобы узнать, что же тут стряслось и как нам все это понимать. Если мы и вспоминаем о молчании в ветвях деревьев, то решаем, что это одна из тех загадок природы, которая имеет вполне разумное объяснение, если мы потрудимся его поискать. Кто-то где-то знает, что это значит. Это не наша забота. Завтра, разумеется, птицы вернуться.

АЛЕКС

Он просыпается после дозы ативана под рев самолета. Остаток дня гаснет на краю земли. В иллюминаторе видно темное полотно леса, прерываемое тут и там бледными прорезями дорог, несколько одиноких фонарей мерцают в сумерках. Должно быть, уже близко.

Где-то под ним дом, в котором он жил когда-то. Хотя ему и не верится. Его взрослая жизнь проходит далеко отсюда, и у него не было планов возвращаться.

Но потом позвонила мать насчет Эмери.

— Я говорила ей, что это не ее дело — исправлять чужие ошибки, — сказала она в трубку.

Он пытался ее ободрить. А может, просто не хотел, чтобы ему мешали.

— Я уверен, что все хорошо, мам. Возможно, она просто занята и забыла позвонить.

— Нет. Она никогда не забывает, Алекс. Мы созваниваемся каждые выходные. Я настояла на этом,

и она никогда не пропускает звонок. Пусть она не говорит мне, чем занимается или как она, но она всегда звонит. Ты точно ничего от нее не слышал?

— Я бы запомнил. Вряд ли нам стоит спешить с выводами. Может, она не оплатила телефон. Мы оба знаем, что у нее нет денег.

— Я не спешу с выводами. Что-то случилось с твоей сестрой.

Загорается знак «пристегнуть ремни». Пилот объявляет, что они приземлятся в Пайн-Ридж через десять минут. Пожилая женщина рядом с Алексом откладывает в сторону книжку с головоломками и стискивает руки на коленях, большие пальцы вращаются вокруг друг друга, словно какой-то автоматный механизм. Алекс не заговорил с ней за весь полет, и, кажется, даже взглядами они не встретились. Или, скорее, он избегал смотреть в глаза. Он очень хорошо научился этому за последние несколько лет — избегать людей и сосредотачиваться на работе. Пандемия превратила эту склонность почти в монашескую привычку, и даже теперь, когда ограничения сняли и мир устало погружается в то, что следует дальше, ему приходится совершать над собой усилие, напоминать себе, что за пределами его головы тоже существует жизнь.

Что ему только что снилось? Порой во сне он осознает, что спит, но это был обычный сон, который принимаешь за правду, пока не проснешься, какими бы ни были абсурдными или невероятными события в нем. Он снова был маленьким, сидел в лодке с отцом на тихом озере, обрамленном

кружевом утреннего тумана, поплавки с погруженными в воду наживками едва качались на зеркальной поверхности. Они забыли взять с собой ланч, который мама собрала для них, и теперь шутили, что им придется есть то, что удастся поймать, прямо здесь, в лодке.

— А вдруг это будет резиновый сапог? — спросил он отца.

— Придется тщательно его разжевывать, — ответил Бен Хьюитт из его сна, гораздо более мудрый и невозмутимый, чем при жизни.

Алекс огляделся и увидел, что туман рассеивается. Они были в облаке, понял он удивленно, и теперь бесконечно малые капли вновь превращались в невидимый пар. Вот-вот эти призрачные, зыбкие стены поднимутся, словно занавес, и все станет видно. Они поймут, где находятся.

Его голос дрожал от восторга, он схватил отца за руку.

— Ты только посмотри, пап.

Взгляд Бена Хьюитта оставался прикован к воде, словно отец не расслышал, и Алексу ничего не оставалось, кроме как посмотреть туда же, куда и он. И тут он увидел их в прозрачной зеленой глубине. Разных размеров, оттенков, видов. Они двигались в потоке собственных непостижимых грез — грез, в которых никогда не возникало столь невозможное существо, как он.

— Нужно вести себя тихо, — сказал отец, — если хочешь, чтобы они клюнули.

Пока самолет снижается, Алекс убирает в рюкзак записную книжку, ручку и перетянутую резинкой колоду карточек, которую взял с собой, чтобы развлечься в полете. Не помогло. «Альманах пещера» — самая сложная игра, над которой ему доводилось работать, целый мир со своими законами, обычаями, историей. Теперь она кажется по-детски простой по сравнению с тем, к чему он возвращается — к жизни своей сестры.

Он заселится в гостиницу и позвонит этому Митию Аmano, другу Эмери, о котором рассказала ему мать. Возможно, придется взять напрокат автомобиль, доехать до Ривер-Мидоуз или до того, что осталось от городка. Он знает, что именно там Эмери проводит почти все свое время. На развалинах местечка, в котором они когда-то жили, — теперь это запретная зона. Долгое время сестра отрицала это, но мать наконец выудила из нее правду: она ходит за проволоку. Это ее одинокий подвиг по спасению животных.

Появляются посадочные огни, они мелькают в иллюминаторе все быстрее и быстрее. Алекс стискивает подлокотники, напрягаясь от столкновения с реальностью: так бывает при каждом приземлении, когда внезапно сжимаешься до мчащегося объекта в уравнении времени, пространства, массы и гравитации, в котором твои надежды и планы никак не влияют на происходящее.

И вот он проходит сквозь это мгновение, а может, мгновение проходит сквозь него. Самолет

дребезжит и содрогается, замедляясь до человеческой скорости. Они прибыли.

Самое странное, вдруг понимает Алекс, что он может ткнуть пальцем в точку, когда его жизнь отклонилась от предполагаемого пути. Этот далекий край не должен был стать их домом. Его семья всего лишь проезжала мимо. А потом реальность нарушила один из собственных законов.

Был летний северный вечер: небо — глубокого синего цвета, все еще пронизанное светом, даже в столь поздний час. Они остановились на ночлег по дороге в город, до которого оставалось ехать еще три дня на машине, — в крупный центр на востоке, их новый дом. Они нашли номер в мотеле «Сонный медвежонок», побросали чемоданы, а затем пересекли шоссе, чтобы поужинать в ближайшем ресторане, который показался их матери похожим на семейный.

Алекс помнит их вещи, сваленные в кучу сразу за дверью убогой комнатенки с узкими буристыми кроватями. Остальное их добро: мебель, светильники, кухонная утварь, отцовские инструменты и мамины книги, его комиксы и игрушки-трансформеры, плюшевые зверушки его сестры Эмери — все было в фургоне, летящем сквозь ночь, что уже опустилась на трассу впереди и только начинала вступать в свои права здесь, в Ривер-Мидоузе, в городе, ему незнакомом, вид и кислотоватый запах которого ему не нравился.

У Алекса голова закружилась, когда он представил себе, как трясущийся, грохочущий фургон несется сквозь мрак.

В этом тесном, ярко освещенном ресторане у трассы он почувствовал, что они уже выпали из своих жизней — словно фантики, выброшенные из окна мчащегося автомобиля. Алексу было двенадцать, почти тринадцать, он злился из-за того, что пришлось оставить дом и друзей. Но когда отец доверил ему карту и попросил следить за состоянием, которое они проезжают в путешествии по стране, он ощутил, как внутри него растет противоречивая увлеченность. Его всегда завораживали карты, но только спустя два дня отслеживания дорог и городов, которые они проезжали, он по-настоящему начал понимать, как огромна эта земля. Имена местечек, где им еще предстояло побывать: Портидж-ла-Прери, Лейк-оф-де-Вудз, Острова Маниту, превратились в заклинания, и он повторял их про себя в пути снова и снова. Ему не терпелось приехать туда и проверить, соответствуют ли они манящему очарованию своих названий.

«Звездная забегаловка» была почти пуста в этот поздний час. Скучающая девушка за кассой предложила им занять любой приглянувшийся столик. Одинокая пожилая пара сидела, благоговейно склонив головы над красными керамическими блюдами с лазаньей, будто в молитве. Бледная темноволосая девочка примерно его возраста в темной футболке и джинсах с дырками на коленках сидела одна за

столом напротив. Перед ней лежала книга, но девочка смотрела прямо перед собой, усердно грызя ноготь большого пальца так, словно это было запрещенное ею блюдо. Ее глаза были тщательно прорисованы жирной подводкой. Она напонила Алексу кого-то, но он не мог понять кого.

Когда он проскользнул на холодную изогнутую пластиковую скамейку, знакомое пустое пространство открылось внутри него — одиночество, которое одолевало его даже в кругу семьи. Ему пришло на ум, что человеку всегда приходится есть, неважно, кто ты и куда направляешься. Даже если ты убийца, колесящий по шоссе, и только что убил кого-то, тебе все равно придется притормозить и поесть, как едят все остальные. Когда он повзрослеет и будет жить один, думал он, возможно, он тоже поедет куда-то, остановится вечером в незнакомом городке, как этот, гадая: что он тут делает вдали от тех, с кем ему предстоит жить в том туманном будущем?

Из окна забегаловки виднелся освещенный рекламный щит у дороги. Три человека стояли на зеленом залитом солнцем лугу: белый в охотничьей кепке и камуфляжной куртке, сбоку от него юная азиатка в лабораторном халате и с планшетом и индеец с косичками, в шлеме и желтом сигнальном жилете. Их запрокинутые лица светились гордостью. Ниже крупными жирными буквами значилось: «НОРТФАЙР»: «МЫ НЕ ПРЕКРАТИМ ИССЛЕДОВАТЬ».

«Нортфайр». Незнакомое слово напомнило Алексу, как далеко уже они от дома. Они даже не

должны были ехать по этому шоссе, но отец настоял на том, чтобы сделать крюк, потому что, когда он был маленьким, его отец однажды взял его с собой сюда порыбачить. Сегодня в нескончаемо долгом кружном пути они узнали все о той незабываемой поездке. Отец Алекса даже закашлялся, вспоминая о своем папе, который умер, когда сам он был еще подростком.

Официантка, дородная женщина с рыжими кудряшками, представившаяся как Бонни, принесла им бокалы с водой и приняла заказ. Всякий раз, когда она возвращалась на кухню, они слышали бойкий голосок мальчишки, задававшего ей странные вопросы.

— *Откуда трава знает, когда ей расти?*

— *Может ли скала думать, как люди?*

— *А облака живые?*

Мать Алекса решила, что это ее сынишка торчит в забегаловке, пока у мамы смена, а она заодно помогает ему с домашкой.

Вскоре Бонни вернулась с их заказом. Они ели быстро, не слишком-то разговаривая за едой. После второго дня в минивэне вместе они уже подустали друг от друга. Вид тыльной стороны морщинистой загорелой отцовской шеи все еще непрошено стоял у Алекса перед глазами, ведь ему приходилось пялиться на нее часами. И теперь, когда отец сидел напротив, Алекс не хотел смотреть и на эту его сторону тоже. Возмущение вновь росло в нем. Этот человек увез их из дома. Он забрал Алекса от друзей. Он сделал это с каждым из них.

Даже Эмери, его жизнерадостная девятилетняя сестренка, которой трудно было сидеть смиренно во время еды, была необычайно тиха. Мать мягко уговаривала ее поесть, но, раз-другой вяло поковыряв макароны с сыром, Эмери отказалась от них. Легонько вздохнув, почти всхлипнув, она сникла на пластиковом сиденье и завалилась набок, головой прислонившись к окну. В это время она обычно уже спала и, должно быть, устала, как и все они после долгого дня в тесной машине. Мать и отец Алекса взглянули на нее, потом друг на друга и улыбнулись. Алекс закатил глаза.

Бонни пришла их проведать.

— Вы тут новенькие? — спросила она.

— Мы проездом, — сказал отец. Алекс заметил, как непринужденно тот растягивает слова, стараясь подражать Бонни, и его это разозлило. — Я был здесь много лет назад ребенком. С тех пор город здорово вырос. Видимо, благодаря тому, что добывающая промышленность процветает.

— Это уж точно, — сказала Бонни, покачав головой.

Двери ресторана распахнулись, и внутрь неспешно вошли трое старшеклассников в спортивных куртках и бейсболках. Один из них улыбнулся Бонни, и та кивнула ему, поджав губы, — едва заметное узнавание.

— Город уже не тот, что прежде, — подтвердила она.

— Рост — это не всегда хорошо, — сказал отец Алекса.

— Что ж, некоторые богатеют, да и город живет, — возразила Бонни. — Так что это хорошо, пожалуй.

Двое парней заняли столик, в то время как третий — высокий улыбчивый блондин — стоял у кассы и болтал с девушкой, которая смеялась и накручивала на палец прядку волос. Алекс тут же определил, что это за парень. Довольно таких, как он, насмеялись и издевались над ним в школе.

Алекс переключился на еду. Он заказал чизбургер с картошкой фри, хотел к ним вдобавок рутбир, но мать сказала, что уже скоро спать, а в напитке слишком много сахара, и попросила Бонни принести ему стакан молока, будто он малыш. Когда стакан этой белой скукотищи прибыл вместе с едой, Алекс вяло отодвинул его к краю стола, твердо намерившись не притрагиваться к питью. Но, проглотив соленую пищу, почувствовал жажду. Забыв о своем решении, что происходило с ним довольно часто и в те дни без лишних сожалений, он потянулся к стакану и отпил, глядя на темно-волосую девочку в углу в надежде, что та не смотрит на него.

Она не смотрела. Она уставилась на блондина у кассы, но и это Алекс тоже не хотел видеть. Его огорчало, когда девочки игнорировали его ради тех, кто не заслуживал их внимания. Но это чувство исчезло через мгновение, когда реальность объявилась и показала им свое новое лицо.

Пока самолет катится к терминалу аэропорта Пайн-Риджа, Алекс вспоминает рябь, которая

пробежала тогда сквозь предметы в закускойной, — так воздух дрожит над асфальтом в жаркий день. Он услышал пронзительный визг, похожий на звук, который издают крошечные насекомые. Все в поле его сознания: запах горячего жира и жарящегося мяса, грязные жалюзи на окнах, постеры почивших кино- и рок-звезд на стенах, старая поп-музыка, игравшая из жестяных колонок, — все это осталось, но в тот же миг изменилось. Или дело было в нем. Он видел эту забегаловку из какого-то иного места, и это место было время. Очень отдаленное. Глубокая боль проснулась в нем, тоска, которую он не мог назвать, будто чувство пришло гораздо раньше события, его вызвавшего. Оно возникло на пороге его восприятия, это событие, которое случится, гора, маячащая в темноте.

Но что бы то ни было, он был не одинок. Темноволосая девочка тоже это почувствовала. Она не смотрела на него, но по ее замершей позе и застывшему взгляду он понял, что она тоже это уловила — что-то, что грядет, разворачивается с этого мгновения, пусть даже ни он, ни она не могли знать, как или когда это наступит.

Годы спустя в студии головоломков в Праге Алекс увидит картину — увеличенную гравюру художника М. К. Эшера «День и ночь». На ней две стаи птиц, утки или, может, гуси, абсолютно одинаковые, за исключением того, что одна стая черная, а другая — белая, как будто обретают форму из темного и светлого пространств между ними. Две стаи летят непонятно откуда в противопо-

ложных направлениях над ландшафтом, который тоже представляет собой негатив самого себя: те же река, поля, средневековый городок отражаются друг от друга в противоположных оттенках черного и белого. Белые птицы летят идеальным клином через ночную половину гравюры, а черные птицы точно так же летят по левой, дневной стороне. Еще больше в картине сбивает с толку то, что ландшафт и птицы возникают друг из друга: птицы и мир, над которым они парят, порождают друг друга.

От картины у него перехватило дыхание. Если оставить в стороне строгую математическую гармонию композиции, этот момент в закуской содержал в себе невозможную, не поддающуюся расшифровке двойственность. Но чтобы по-настоящему удвоить мгновение, нельзя быть просто отстраненным наблюдателем, нужно находиться *внутри* образа, двигаться, как те птицы, тем же неуловимым узором: два твоих «Я» — то, что представляет тебя сейчас, и то, что грядет, — разделенные непостижимой пропастью, которая тоже ты.

В закуской тем вечером он видел себя одним и одновременно другим, вместе с темноволосой девочкой. А потом все закончилось. Рябь исчезла. Знакомый целостный мир вернулся. Яркое освещение, звон тарелок, запах подогретого жира и кетчупа.

И никаких нитей. Никакого узора. Только предметы как они есть.

Девочка за столиком смотрела теперь на Алекса, ее взгляд был яростным и испуганным. Затем она

фыркнула, выскользнула из-за стола и направилась к двери.

— Эй, привет, — тихо окликнула Алекса мать.

Она изучала его со смутной озабоченностью, словно только очнулась, мать, которая знает, что с ее ребенком что-то не так, но не понимает, что именно.

Она пробормотала:

— Ты был...

Он тряхнул головой.

— Нет, — сказал он, боясь того, что она может сказать. — Нет, не был.

Она поглядела на него еще более пристально, затем тихонько рассмеялась.

— Ну ладно, — сказала она.

Бонни подошла к столику, принесла еще воды.

— Как вы тут? — спросила она.

— Мы хорошо, — ответил отец Алекса слегка неуверенно. — Эй, только что... что это было...

— О, да, — сказала Бонни, пожав плечами. — У нас это бывает. Парни из лаборатории в «Норт-файр» называют это «рассогласованиями». Но большинство здешних зовут их просто «рябью». Это странно, но безвредно. Вам еще что-нибудь принести?

— Только счет, спасибо.

— Оставлю его на кассе. Оплатите, когда будете уходить. Хорошего вечера.

Когда Бонни ушла, отец Алекса со сдавленным вздохом вытащил портмоне. Все, что касалось денег, вызывало у него такую реакцию.

— Так, народ, — сказал он, поднимаясь из-за стола. — Заводим мотор. Алекс, буди сестру.

Эмери свернулась клубочком в уголке скамьи, глаза закрыты, рот слегка приоткрыт. Он не понимал этого тогда, но Эмери была красивым ребенком, с тонкими светлыми волосами, молочной, почти прозрачной кожей, большими светло-голубыми глазами. Для него она была всего лишь младшей сестренкой, скорее надоедой, чем кем-то еще, особенно в эти дни. Ему хотелось убраться отсюда, поразмыслить над тем, что произошло. Наедине с собой, как он обычно делал, когда жизнь и мир сбивали его с толку. Эмери, как всегда, его задерживала.

— Ну же, — сказал он, тряся ее за руку. — Мы уходим.

— Ты должен разбудить ее, милый, — сказала мать.

— Я пытаюсь.

Он тряхнул руку Эмери сильнее.

— Прекрати притворяться, идем.

Отец стоял у кассы, расплачивался. Мать обошла стол с его стороны, помогла ему выбраться, нагнулась над дочерью и откинула назад ее волосы. Эмери порой прикидывалась спящей, когда не хотела участвовать в семейных делах или когда было уже поздно и ей говорили идти в постель. Однако она не слишком-то умела притворяться, поскольку была очень подвижной. Легкий толчок локтем или щекотка вынуждали ее закончить игру. На этот раз она не просыпалась.